

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЯ ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ ПРОЛЕТАРЫ ВСІХ КРАІН, ЕДНАЙЦЕСЯ
БУТУН ӨЛКӨЛӨРНИ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШИНІ ЗАМЇСЬОДНОМЪ ЗБОРОМЪ ЗБОРОМЪ, ЗООДМОРОМЪ ЧРВЛЪСОРЪР РВЛВР ЫРЪРЪРЪ, ПЪВВЪР
БУТИН ЕР ЯУЗИНИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШИНІ БУТУН ДУН'Ё ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛАШИНГИЗИ ПРОЛЕТАРХОИ ХАМАН МАМЛАКАТХО, ЯК ШАВЕЛ
БАРДЫК ЕЛДЕРДИ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРГИНДЕРІ БАРДЫК ӨЛКӨЛӨРДУН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРИККИЛЕІ КАРККИЕН МАЙДЕН ПРОЛЕТАРИТ, ШИТТУКЛА УНТЕЕМ

ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ ЦЭРИЛЕ, УНИЦИ-ВЭІ VISU ŠALIŲ PROLETARAI, VIENŪKITĒS
VISU ZEMJU PROLETĀRIEŠI, SAVIENOJĒTIESI KŌIOI MAĀDE PROLETARLASED. OHINEĒB

ИЗВЕСТИЯ

С О В Е Т О В
Д Е П У Т А Т О В
Т Р У Д Я Щ И Х С Я
С С С Р

Цена 20 коп.

№ 167 (8469)

СУББОТА

15

И Ю Л Я

1944 г.

Год издания 28-й

Гордость русской культуры

Антон Павлович Чехов принадлежит к числу любимых писателей в нашей стране. Ленин высоко ценит его творчество. Товарищ Сталин поставил его имя в ряду имен, выражавших духовное величие русского народа. Произведения Чехова распространяются в миллионах экземплярах, со сцены множества театров не слыхают его пьесы, с эстрады и по радио звучат его веселые и грустные рассказы, на экране кино — встают его образы. Он участвует в морально-эстетическом воспитании нашего народа, нашей героической молодежи. В записной книжке Зоя Космодемьянской мы нашли, в числе самых дорогих мыслей, слова доктора Астрова из «Дяди Ваня»: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Горький рассказывает в своих воспоминаниях, что Л. Н. Толстой, нежно любивший Чехова, гордившийся им, сказал Антону Павловичу: «Вот вы — русский! Да, очень, очень русский!».

В его творчестве, своеобразии стиля, в самом его облике, в его лукавом юморе, в его мечте о счастье, постоянной устремленности к светлому будущему, непобедимой вере в могучий расцвет родины, — во всем этом мы чувствуем национальное русское художника.

Он начал свой литературный путь в тяжелые для родины, переходные восьмидесяти годы, ознаменовавшиеся торжественными реакциями, идейными шатаниями, пессимизмом части интеллигенции, ее разочарованием в недавних революционных идеалах. Появились теории «малых дел», примирения со злом и несправедливостью, ухода в обывательщину.

Вместе с тем глубоко под этой поверхностью жизни проходили исторические процессы огромного значения. Русский рабочий класс созрел и рос, накапливая силы для решительной борьбы за свободу и счастье родины. Десятилетие годы уже определялись деятельностью Ленина, его исполненной борьбой, свидетельствующей о мощи новых социальных сил, новых героев русской жизни. Одновременно с Лениным вышел на путь великой борьбы Горький, сказавший на языке художественных образов о зрелости подлинных хозяев родной земли, многомиллионной русской демократии.

Чехов явился прямым предшественником Горького, родным братом его по всему духу творчества, хотя он и не обладал горьковским уверенным напором наступления, ясным пониманием тех сил, которые способны были «перевернуть жизнь». Если герой Горького был участником могучего наступления на все силы тьмы, то герой Чехова скорее оборонялся, как кот, как умел. Пошлость наступала на чеховского героя со всех сторон, и он не знал путей борьбы с нею. Правдивейший, строгий исследователь жизни, Чехов не мог не выразить глубокой грусти за своего героя.

И все же с поразительным упорством, со все большей уверенностью звучала в его произведениях вера в торжество правды и красоты, все явнее сказывалась захватывающее предчувствие счастья!

Горький, нежный и мудрый друг Чехова, услышав лейт-мотив его творчества, сказав в статье 1904 году, что каждое новое произведение Чехова усиливает ноту бодрости, веру в жизнь.

В течение всей своей творческой жизни Чехов старался писать так, чтобы его авторская личность оставалась как бы «незаметной» для читателя. Но в каждой его строчке билось сердце «одного из лучших друзей России» (Горький), и все в его произведениях было окрашено его любовью и ненавистью, сдержанной, глубокой лирикой.

В таких рассказах, как «Враги», «Ариадна», «Англия», «В усадьбе», и множестве других Чехов со своим внешне-спокойным, как будто холодным презрением раскрывал уродство, омерзительность паразитизма, унижения человека и утверждал внутреннюю красоту людей труда, мечту о труде творческом, свободном, проникнутом поэзией, вдохновенном радостном сознанием его пользы для народа. Эстетическая совесть сливалась с этической в его произведениях, обостренное чувство красоты, присущее всем его любимым героям, было вместе с тем столь же острым чувством правды, а основой правды и красоты являлся труд. Так, по-своему, Чехов продолжал и развил те традиции русской литературы, которые определяли ее мировое значение совести человечества.

В рассказе «Огни» Чехов разоблачал жалость, враждебность человеку, человеческой жизни упадочных, пессимистических, реакционных идей, распространившихся среди интеллигенции восьмидеся-

тидесятых годов. В рассказе «Крыжовник» он разоблачал ложь либерализма с его «спостепенностью», утверждая необходимость немедленной, безотлагательной борьбы за счастье родины. «Вы слышались на естественный порядок вещей», — говорит один из героев рассказа, — на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою над воером и жду, когда он заростет сам, или затнет его илом, в то время как, быть-может, я мог бы перескочить через него... И оият-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!».

Чем ближе к девятидесяти годам, тем все сильнее звучал в чеховском творчестве мотив близости счастья.

«Пришло время», — говорит один из героев «Трех вестер», — надвигается на всех нас громада, готовится здоровья, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слудет с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука. Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!».

Художник, обладавший поразительной социальной чуткостью, Чехов смог сказать просточеские слова и вместе с великим буревестником — Горьким — дышать воздухом надвигающейся бури! Глубокая вера в творческие силы народа определяла это убеждение Чехова в близости великого торжества родины.

Он мог бы сказать о себе словами одного из своих героев («На пути»): «Я люблю русский народ до страдания», «люблю... его язык, творчество». «...как богата, разнообразна русская жизнь», — говорит один из любимых героев Чехова, Ирец из повести «Три года», молодой талантливый ученый. — Ах, как богата! Знаете, я с каждым днем все более убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хотелось бы дойти, самому участвовать». Он убежден в том, что «в России все необыкновенно талантливо, даровито и интересно». Письма Антона Павловича подтверждают, что эти мысли его героев были его заветными мыслями.

Неудержимое стремление всей великой страны к жизни, достойной ее творческого богатства и вдохновения, звучало во всем чеховском творчестве с силой сдержанной, загнанной страсти, но в «Степи», как и в «Трех вестрах», в «Винновом саде», это стремление как бы «прорывалось», находя прямой поэтический выход, открытое лирическое выражение.

О своих впечатлениях от Биюся Антона Павловича сделал следующий запис в путевом дневнике: «...на Биюсе... жизнь началась стоном, а кончилась удаью, какал нам и во сне не свлялся... И стоял и думал: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега».

В этой несгибаемой вере в могучий расцвет родины, в борьбе со всем тем, что враждебно движению вперед, к светлой, прекрасной жизни, сказались главные черты чеховского творчества.

Гениальный новатор, Чехов ввел в литературу «массового» человека. За каждым его героем мы видим социальную среду, целые пласты самой жизни. Герой и среда — так стояла проблема во всей мировой литературе. Сама среда, сама жизнь, и герой, как одно из ее проявлений, — так поставил Чехов эстетическую проблему социального и личного, массового и индивидуального.

Положительный герой прошлой русской литературы неизбежно вступал в конфликт со своей, непосредственно окружающей его, узкой, маленькой социальной средой, отталкиваясь от нее. Именно это отталкивание от привилегированной среды, к которой он принадлежал по рождению, и давало ему возможность явиться широким типичным обобщением многих лучших свойств русского передового человека, русского национального характера. Герой прошлой литературы находился в конфликте со своей средой.

В эпоху Чехова для понимания невозможности жить по-старому, необходимости «перевернуть жизнь» родины уже не требовалось переживать трагедию «гора от ума». Все больше расширялась та среда — рабочего класса, передового крестьянства, демократической интеллигенции, в которой голос застрявшего дня уже звучал, как всеобщий. И Чехов чутко отражал эти изменения в жизни страны.

Чехов был поэтом рядовых русских людей, он умел раскрывать «незаметную» красоту, скрытую в их жизни, в будничном и обыкновенном, — красоту подлинной, а не тогдашней официальной России. Жизненная сила творчества Чехова

определила и своеобразие его сатиры. Ее характерная особенность в том, что объекты этой сатиры были противопоставлены жизни, ее движению, в отличие от положительных героев, выражавших движение жизненного потока.

Наиболее характерные сатирические образы Чехова — унтер Пришибеев, учитель Беликов — отличаются нелепым стремлением «застрелить», «присечь» самую жизнь. И хотя они были аполитичны и странны в своей враждебности всему живому, все же фигуры их были смешны и жалки по сравнению с подлинной жизнью, с голосом будущего, который умел слышать Чехов! Так, смеясь над Беликовым и Пришибеевым, чеховская поэзия утверждала жизнь.

С особенной ясностью сказало светлое поэтическое утверждение жизни в «Винновом саде», в этой гениальной лирической комедии прочтения со всем отчаянием, обречением. «Прощай, старая жизнь!» — звучат в финале пьесы слова Ани, одной из любимых героинь Чехова, представлявшей молодость родины, ее застрявший день. «Здравствуй, новая жизнь!» Эти слова по-пушкински светлого приветия новому дню родины, дню ее саавы и торжества, были, в сущности, последними словами Антона Павловича: «Винновым сад» был поставлен на сцене Художественного театра незадолго до безвременной смерти писателя.

Он не увидел дня расцвета своей родины, ему не довелось самому участвовать, как мечтал он вместе со своими героями, в творческих подвигах свободного народа, в скачонно быстром движении великой страны вперед, к новым и новым, все более прекрасным формам жизни.

Но Чехов жил с нами и живет сегодня во всей нашей борьбе, в каждом нашем усилии, в нашем повседневном труде, в нашей правде, в нашей мечте. Его враги — это и враги всей страны, всего международного советского народа.

Товарищ Сталин — вилд сатирический образ Великова, как оружие в борьбе за счастье родины (в политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б)), разоблачая с гениальной ясностью и простотой врагов народа, подлых агентов фашизма, с их ненавистью к жизни и страхом перед ней, пытавшихся остановить движение могучей страны вперед. «В нашей стране не любит Пришибеевых», — сказал товарищ Сталин (в письме комсомольцу Иванову). В нашей стране ненавидят все, приносящее человека и его достоинство, все, что задерживает неустанные движение к новому, мешают творчеству, созданию, ненавидят чуждость, себя и самодовольство. В нашей стране любит свет, свободу, правду, мысль, красоту, скромность подлинной силы. И поэтому в нашей стране так любит Чехова, с его русской правдой и русской мечтой, с его поэзией непрерывного движения к новому, с его негнримым ненавистью ко всем силам косности, реакция, с его верой в народ, в победу правды.

Мы отмечаем сороклетие со дня смерти Чехова в преддверии победы над самым лютым из всех врагов нашей родины и всего человечества, над фашистским убийцей, для которых человек и его достоинство — ничто. «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Великого и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Ганки и Чаковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Рерина и Сурикова, Суворова и Кутузова!» (Сталин).

Литераторы ошиблись в своих расчетах, они не могли понять сдержанной, чело-вечной, простой и благородной русской силы. Они не могли понять, что нельзя победить народ, добившийся торжества своей правды, нельзя победить народ, чьи вожди носят имена: Ленин и Сталин, — имена, в которых сосредоточено все лучшее в народной культуре, в народных традициях, в мечтах и идеалах лучших сынов народа.

И есть нечто очень значительное в том, что в канун нашей победы, к которой ведет нас гений Сталина, страна торжественно отмечает годовщину великого национального художника. Эта годовщина вновь напоминает всему миру о том, во имя чего идет гигантская борьба, во имя каких идеалов моральных, культурных, эстетических ценностей и идеалов, дорогих всему передовому человечеству, напрягает усилия наш народ для окончательного разгрома врагов жизни, титеровских носителей смерти. Антон Павлович Чехов, наша национальная гордость и любовь, — с нами в нашей священной борьбе!

В. ЕРМИЛОВ.